
© О.В. ПАВЛОВСКАЯ

neydacha@yandex.ru

УДК 140.8

ИЗМЕНЕНИЕ РОЛИ И СТАТУСА ОБЩЕСТВЕННЫХ ИДЕАЛОВ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается противоречивость понятия «идеал». Если строго следовать определению, «общественные идеалы» могут быть только «идеалами потенциально», а в развитом современном обществе они деградируют.

SUMMARY. In this article we consider the contradiction concept “ideal”. If we shall follow after the definition in the strict sense, it become clear: “social ideals” may be only “potential ideals” and they degrades in modern developed society.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Идеал, общественные идеалы, стремление, эталон, объективность, ценности.

KEY WORDS. Ideal, social ideals, aspiration, model, objectivity, values.

Понятие «идеал» удивительно четко сохранило свое значение, приданное ему древнегреческой философией. Современные словари слово в слово повторяют одни и те же формулировки: идеал — это образец, нечто совершенное, высшая цель стремлений. Более добросовестные составители словарей вместо перечисления через запятую разводят главные признаки идеала: один смысл — «образец», второй — «цель деятельности» (напр., «Толковый словарь» Ожегова). Следуя логике родоначальника греческого идеализма, они, эти смыслы, находят в тесной причинно-следственной связи. Совершенство, прообраз, идея (у Платона, фактически, это синонимы современного понимания «идеала») изготовлены штучно и навечно, более того, души людей некогда их созерцали, следовательно, доподлинно знают и не могут не стремиться к ним. Такое стремление не только вызвано томлением души, оторванной от блага, но вообще представляет собой некий общий закон: «...идеи пребывают в природе как бы в виде образцов, прочие же вещи сходны с ними и суть их подобия, самая же причастность вещей идеям заключается не в чем ином, как только в уподоблении им» [1; 354].

Разумеется, представление о незыблемой истине и вечных идеях (идеалах) критиковалось еще современниками Платона. Тем более странно, что определение понятия продолжает включать в себя как бы равноправные и будто бы непротиворечивые части. Попробуем разобраться, в чем сейчас видится это противоречие.

Понимать «идеал» как высшую степень совершенства или эталон значит приносить в оценку чего-либо объективную сторону. Совершенство подразумевает градацию, сравнение, большую или меньшую степень законченности

в глазах оценивающего субъекта, какую-никакую рефлексию. Кажется достаточно правдоподобным предположение, что трудно логически обосновать выбор той или иной модели (вещи, субъекта, черты характера...) в качестве идеала, однако дескриптивно идеал, конечно, задать можно, и это с легкостью, и даже часто, делается путем опросов общественного мнения. Например, респонденты в состоянии ответить на вопрос: «каков ваш идеал мужчины/женщины?» без дополнительных инструкций; так же точно поддается озвучиванию оценка чего-то «не идеального», например, преподаватель может считать таковым ответ студента и при желании перечислить, чего в нем не хватало до этого самого «идеала». Разумеется, зачастую человек руководствуется не исчерпывающей рефлексией, а интуицией, не фиксирует те нормы и правила, которые полноценно отражают представление об идеальном. Однако «образец», «эталон» бесспорно обладает объективными характеристиками в глазах оценивающего субъекта.

Вторая часть понятия («высшая цель стремлений») свидетельствует, что субъективное переживание и деятельность не менее важны, чем сравнение по определенным параметрам двух объектов — эталона и того, на чем сфокусировано внимание. Здесь и наблюдается то противоречие, которое, по мнению Платона, возможно лишь по незнанию. Во-первых, в своей деятельности человек зачастую исходит из представлений не об идеальном, но об оптимальном результате: так, под штукатурку не нужна идеальная каменная кладка, поэтому ради экономии времени и усилий человек может сознательно отдать предпочтение просто хорошей кладке. Сознательный отказ от идеала признавал неизбежным и сам Платон, например, идеальное, адекватно отражающее суть предмета имя автоматически удваивает сам предмет: «Да ведь смешные вещи, Кратил, творились бы с именами и вещами, которым принадлежат эти имена, если бы они были во всем друг другу тождественны. Тогда все бы словно раздвоилось, и никто не мог бы сказать, где он сам, а где его имя» [2; 671]. Бесспорно, рассуждение несколько наивно, но если не касаться конвейерной штамповки неодушевленных предметов, которая несколько не разрушает сейчас наше представление о реальности (например, серия идентичных шурупов не оскорбляет нашего вкуса и не пугает своей внешней неразличимостью), оно до сих пор актуально. Даже стремление к эталонной фигуре или образцовой внешности подразумевает, что помимо точно вычисленных пропорций человек должен обладать индивидуальностью, то есть либо идеал будет персональным для каждого конкретного субъекта, либо допускаются незначительные от него отклонения. Во-вторых, совершенство чего-либо может просто никак не касаться жизни субъекта или находиться в ценностном диссонансе с нею: совершенная пластика балерины не нужна врачу, он не жаждет ее обрести, а идеально спланированное ограбление не является целью стремлений законопослушного человека.

Значит, идеал не только сопряжен с процессом сравнения, но и со всей совокупностью ценностей субъекта. Ценности по определению настолько важны для каждого конкретного Я, что оно действительно стремится к ним и эмоционально реагирует на ценностно-нагруженный объект или ситуацию. То есть, с одной стороны, в идеале «свернуты» представления субъекта о мире и его градациях, это некое обобщение, могущее быть осмысленным, с другой стороны, оно непосредственно, сильно касается данного человека. Разумеется, как было

бы неправильным считать идеалом человека то, что он просто логически оценивает как «совершенное», так неверно принимать за идеал и то, к чему в данный момент времени этот человек активно стремится. Например, студент стремится к цели (получению диплома), поскольку устал от учебы. Понятно, что в получении диплома есть его интерес, но он не имеет ничего общего с идеалом (учебы, успешности, свободы или чего-либо еще). Обозначить что-то с уверенностью как идеал данного субъекта, находясь на позиции стороннего наблюдателя, достаточно сложно.

Одной из трудностей такого обозначения является то, что идеалом может быть единичная вещь, казалось бы, не самая прекрасная в ряду подобных, и оценивающему субъекту это должно было быть видно. Например, шинель Акакия Акакиевича из одноименной повести Н.В. Гоголя — явно идеал (это становится ясным читателю благодаря искусству изложения автора), а не просто мечта. В данной истории сверхценная идея сшить новую верхнюю одежду просто не может воплотиться иначе: ни воображения, ни средств, ни скромных запросов главного героя не хватает на большее. Шинель становится символом счастья, образцом, а потому — идеалом. Выбор бедного чиновника смешон — и в то же время объективен; он ошибается, но у него есть на то свои резоны, свои критерии наилучшего (пусть и касающиеся такой малости, как выбор меха на воротник).

Эксцентричность выбора какого-либо идеала хранит его от соблазна примерить маску всеобщности. Шинель была идеалом Акакия Акакиевича и никого больше, однако масса других, более распространенных, представлений о совершенстве закрепились в каждом обществе именно как его «идеалы», как объективное благо. Общественные идеалы, производные от общественной морали и господствующей идеологии, — это критерии, образцы, не нагруженные индивидуальным стремлением (общество — коллективный субъект, не могущий ни в какой определенный момент времени хотеть одного и того же «совершенства» через волю всех составляющих его личностей. Оговоримся: это не значит, что все общество не может вообще чего-либо страстно хотеть, например, покончить с агрессией напавшего государства или выйти из экономического кризиса. Но это не имеет отношения к идеалу, то есть эталону какой-либо из сторон общественной жизни). Поэтому они, собственно, и не могут быть названы «идеалами» в чистом виде, они — потенциальные идеалы.

Разница между статичными критериями соотнесения с эталоном с одной стороны и непосредственным стремлением, деятельностью с другой стороны, довольно остро ощущалась в XX в., особенно в биполярном мире, предлагавшем конкурирующие модели устройства социума. Представители мира буржуазного, воспевающего индивидуализм, в то же время разглядели проблему генезиса крупных, захватывающих идеалов. «Эталон» в капиталистическом обществе имеет тенденцию вырождаться в некий средний, респектабельный «уровень» жизни, и непонятно, откуда черпать новые высокие образцы, на которые не жаль растрчивать жизнь. Представители мира социалистического, воспевающего коллективные усилия и примат общего над частным, наткнулись на «контрабандный» статус идеалов вообще. Они были догматически заданы и очерчены, следовательно, не допускали индивидуальной духовной работы над выработкой новых общественных или частных идеалов. Это нашло отражение не только в

философии, но и в популярных литературных произведениях. Интересно сравнить две цитаты из «Степного волка» Г. Гессе и великолепной книги для юношества Л. Кассиля «Швамбрания». Обе они созданы в 1927 г. (правда, «Швамбрания» была переработана Кассилем в 1935-м, но даже с этой оговоркой они могут считаться ровесницами, поскольку написаны в один исторический промежуток времени — между двумя мировыми войнами).

Вот голос из капиталистического лагеря: «...мы видим, что хотя во времена, когда правят натуры сильные, мещанина сразу же припирают к стене, он тем не менее никогда не погибает, а порой даже вроде бы и владевает над миром. Как же так? Ни многочисленность его стада, ни добродетель, ни здравый смысл, ни организация не в состоянии, казалось бы, спасти его от гибели. Тому, чьи жизненные силы с самого начала подорваны, не продлит жизнь никакое лекарство на свете. И все-таки мещанство живет, оно могуче, оно процветает. Почему?»

Ответ: благодаря степным волкам. На самом деле жизненная сила мещанства держится вовсе не на свойствах нормальных его представителей, а на свойствах необычайно большого числа аутсайдеров, которых оно, мещанство, вследствие расплывчатости и растяжимости своих идеалов, включает в себя. Внутри мещанства всегда живет множество сильных и диких натур. ... настоящее мещанство окружено, как ядро, широкими слоями человечества, тысячами жизней и умов, хоть и переросших мещанство, хоть и призванных не признавать оговорок, воспарить к абсолюту, но привязанных к мещанской сфере инфантильными чувствами, но ощутимо зараженных подорванностью ее жизненной силы, а потому как-то закосневших в мещанстве, как-то подчиненных, чем-то обязанных и в чем-то покорных ему. Ибо мещанство придерживается принципа, противоположного принципу великих, — «Кто не против меня, тот за меня» [3].

А вот завуалированный, как черт ладана избегающий слова «идеалы», голос из соцлагеря: «"И если скажут: ну какое нам дело до всего этого, ведь мы для поддержания нашего энтузиазма не нуждаемся ни в какой иллюзии, ни в каком обмане... Это великое наше счастье. Но следует ли из этого, что мы... не нуждаемся ни в какой мечте? Класс, имеющий силу в своих руках, класс, действительно в трудовом порядке изменяющий мир, всегда склонен к реализму, но он склонен так же и к романтике". Тут, понимаешь, надо разуместь под этой романтикой то же, что Ленин разумел под мечтой. И это больше не недостижимая фантастическая звезда, это не утешающая химера. Это просто самый наш план, самая наша пятилетка и дальнейшие сверхпятилетки. Здесь проявляется наше стремление сквозь все препятствия двигаться вперед. Это тот "практический идеализм", о великом наличии которого у материалистов говорил Энгельс...» [4; 261].

В обоих фрагментах можно уловить диссонанс между эталоном и собственно стремлением к нему, которое непонятно кто должен осуществлять. Гессе усматривает рецепт от застоя мещанского общества в героях-одиночках. Кассиль заменяет идеал цифрой, арифметическим увеличением конкретных успехов. Платоновские идеи были активны: они либо сами как-то воплощаются в подлунном мире, либо припоминаются произвольно, в ответ на подходящий раздражитель. Но как только мы отходим от метафор и начинаем приписывать каждому субъекту стремление к общественно-значимому идеалу, мы получаем колоссальную проблему, которая с начала XX в. лишь усугубляется. Мы видим

как бы целые поколения без общих идеалов: человек окружен вещами и идеями, претендующими на совершенство, но не стремится к ним. Наилучшей аллегорией этого состояния (охватившего современность) можно считать компьютерную игру: виртуальный мир может поражать совершенством, предоставлять пользователю столь же идеального Альтер-Эго (аватарку), и в то же время нельзя сказать, что человек стремится к этому миру или этому воплощению. Он просто выбирает его. Даже зависимость от виртуального пространства нельзя считать стремлением в том же смысле, в котором, например, культурист стремится довести до эталона свое тело. Пристрастие к определенному времяпровождению, привязанность к любимым героям нельзя считать приближением к идеалу: человек ничего не меняет ни в себе, ни в запрограммированном герое. Изменение игрового статуса дает ему количественные выгоды, но ничего ничему не уподобляется, ни в реальной жизни, ни в виртуальной. Перебирая возможные варианты и градации, он не тренирует своего героя и себя, но лишь идет по ограниченному количеству ступенек, произвольно обрывающихся там, где этого захотел создатель программы. Собственно, он не становится даже идеальным игроком, поскольку такого эталона нет, есть только игрок с самым высоким на данный момент результатом.

Роскошь современного развитого мира позволяет жить без общественных (а иногда и без частных) идеалов: без крайних величин, предельных значений, без подлинного стремления достичь совершенства. Невозможно отказаться от образцов как таковых, но требование эталонного совершенства отходит в сферу техники. В области морали идеал граничит с бескомпромиссностью, архаизмом. Думается, определенность идеалов (и соответствующее воспитание, нацеливающее человека на стремление к ним) жестко связана с вопросом выживания общества. У субъекта, избавленного от экзистенциальных переживаний, уверенного в завтрашнем дне окружающего мира и не может быть идеалов, это нечто избыточное, ему хватает смутного представления о «норме», в которую укладывается либо не укладывается его жизненный сценарий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Платон. Парменид / Собр. соч. в 4 т.: Т. 2. М.: Мысль, 1993. С. 346-412.
2. Платон. Кратил / Собр. соч. в 4 т.: Т. 1. М.: Мысль, 1994. С. 613-681.
3. Гессе Г. Степной волк. URL. www.hesse.ru/books/read/
4. Кассиль Л.А. Швамбрания. Л.: Гослитиздат, 1957. 269 с.